„Моления“. Шутливое самоунижение, которое чувствуется в этом переосмыслении цитат из „священного писания“, пронизывает собой „Моление“. Оно явственно ощущается и там, где он говорит о своей трусости, о своей нищете, о безвыходности своего положения, о том, что он сын раба и рабыни князя. Оно ощущается и там, где Даниил ставит себя в положение то вора, то мужа „злообразной“ жены и т. д. Оно ощущается и во всех преувеличениях силы князя, которые едва ли могли понравиться князю, если бы они были сказаны всерьез: „Лев рыкнет, кто не устрашится; а ты, княже, речеши, кто не убоится. Яко же бо змии страшен свистанием своим, тако и ты, княже нашь, грозен множеством вои“.[1]

Одного только не отнимает у себя Даниил — ума. Отнять у себя право на ум — это значило бы отказаться и от права на остроумие, на юмор. Отсюда совершенно ясно, что многие из сообщаемых Даниилом о себе биографических сведений, жалобы на свои несчастия, на свое безденежье, трусость, на свою жену и пр. — строго соответствуют литературной позиции Даниила как юмориста, смешащего читателя, а может быть и зрителя, собой самим, своим положением, стремящегося выпросить у князя подаяние, вызвать его на щедрость самоунижением и преувеличенными похвалами.

Эта литературная позиция Даниила и вовлекла в его стиль элементы скоморошьих прибауток, народного юмора бедняка, иронизирующего над своей судьбой, склонность обращать в шутку даже слова „священного писания“, украшать речь рифмой и т. д.

Однако с искусством скоморохов „Моление“ сближается не только своим шутливым тоном. Скоморохи развивали в своем репертуаре и сатирическую стихию народной поэзии, в течение всей эпохи феодализма направлявшуюся на обличение господствующего класса. Как отмечает В. П. Адрианова-Перетц, „под внешней маской княжеского «милостника», шуткой выпрашивающего у своего «господина» «милости», Даниил Заточник в «Молении» скрывает сатирические выпады и против богатых, противопоставленных беднякам, и против богатой «жены злообразной», и против друзей, которые «в напасти, аки врази обретаются»... Тиун и его рядовичи тоже попали под острый язык «заточника»... Даже «князь скуп» насмешливо изображается «аки река в брезех; а брези камены — нелзе пити, ни коня напоити». Так с помощью неожиданных, но метких уничижительных сравнений, построенных на сугубо обыденных образах, «заточник» осуждает «немилостивых» представителей господствующего класса, делая их смешными в глазах читателя“.[2] Эта сторона „Моления“ подтверждает наше предположение о том, что Даниил Заточник вышел не из среды господствующего класса.

Как бы ни были сильны элементы скоморошьего стиля в „Молении“ Даниила Заточника, „Моление“ — не скоморошья речь, записанная писцом. Это не скоморошеское произведение в его целом. Оно только сохраняет налет скоморошьих прибауток, скоморошьего искусства. Отбор сентенций и шуток как бы только корректируется привычкой к скоморошьим прибауткам. Книжные элементы в „Молении“ дают себя знать сильнее, чем в „Слове о полку Игореве“. Так, например, в „Слове“ природа по-фольклорному непосредственно вмешивается в жизнь лю-

---

[1] Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 66.

[2] В. П. Адрианова-Перетц. Сатирическая литература XVII века. Серия „Литературные памятники“, изд. АН СССР, М.—Л., 1954.